

ЕВРОПА И ПОЛЬША НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА “МЕЧ”

Луциан Суханек

“Меч” – это один из журналов русской эмиграции в Польше, насчитывающей по официальным советским данным около миллиона человек.¹ Н. Андреев считает, что “на самом деле русских там жило неизмеримо больше”.² В разное время, иногда лишь на короткое время, в Польше пребывали Д. Мережковский, З. Гиппиус, М. Арцыбашев, Б. Савинков (как писатель выступал под псевдонимом Ропшин), А. Амфитеатов, Д. Философов. Как пишет О. Розинская, “для многих из них Варшава стала своеобразным перевалочным пунктом для дальнейшего переселения в западную Европу”.³ С. Кулаковский в своем труде “Пятьдесят лет русской литературы” утверждал, что Варшава, где русские писатели в отличие от других центров не жили в автономной, изолированной среде, была в этом отношении одним из самых слабых центров литературной жизни эмиграции.⁴

В разное время в Польше выходило большое количество газет и журналов, часть из которых была эфемеридами. Наиболее известной была

¹ Алехин М. Эмиграция белая // Большая советская энциклопедия. Т. 64. Москва 1933, с. 162.

² Андреев Н. Об особенностях и основных этапах развития русской литературы зарубежом // Русская литература в эмиграции. Сб. статей под ред. Н. Полторацкого, Питтсбург 1972, с. 24. См. также: М. Илов, Русские в Польше // “Новый журнал” 1990. № 136, с. 255-265.

³ Розинская О. Русская литературная эмиграция в межвоенной Польше. В кн.: Studia Rossica III. Literatura rosyjska na emigracji. Współcześni pisarze rosyjscy w Polsce. Frazeologia i frazeografia. Pod. red. W. Skrundy i W. Zmarzer. Warszawa 1996, с. 83. См. также: Лещенко Л. “Польская эра” Дмитрия Мережковского (1920 год) // “Przegląd Rusycystyczny” 1989. № 3-4, с. 39-53.

⁴ Kułakowski S. Pięćdziesiąt lat literatury rosyjskiej (1884-1934). Warszawa 1939. с. 354.

газета “Свобода” (в дальнейшем, с 1921 года, имевшая заглавие “За свободу”), которая издавалась в Варшаве с января 1920 и просуществовала до 1939 года.

Первый номер выходившего в Варшаве и параллельно в Париже “Меча” появился в мае 1934 с подзаголовком “литературно-политический журнал”. О. Розинская считает газету второй по значимости и разнообразию материалов после “Свободы”;⁵ по мнению Кульчицкой-Салони, она представляла высокий уровень, хотя поляки определяли ее как провинциальную.⁶ Главным редактором в Варшаве был Дмитрий Философов, в Париже – Дмитрий Мережковский. Д. Философов (1872-1940) жил в Варшаве с 1920 года.⁷ Он занимал однозначно антибольшевистскую позицию, одновременно был также противником царской России и сторонником создания “третьей силы”,⁸ предусматривающей союз с Польшей. Философов сблизился с Савинковым, в котором впоследствии сильно разочаровался. Он был фигурой, которая делала русскую эмиграцию в Польше более динамичной, активной, и пользовался в Польше популярностью, был одним из немногочисленных русских эмигрантов, которые сблизились с польской интеллигенцией, что не нравилось многим представителям русской эмиграции.⁹ В 1934-1936 годах Философов проводил на своей квартире литературные вечера, которые назывались “Домик в Коломне”.

⁵ Розинская О. Русская литературная эмиграция в межвоенной Польше, с. 86.

⁶ Kulczycka-Saloni J. Z dziejów literackiej emigracji rosyjskiej w Warszawie dwudziestolecia. “Przegląd Humanistyczny” 1993, № 1, с. 9.

⁷ О Философове см.: F. Sielicki F. Z dziejów rusycystyki polskiej okresu – międzywojennego (S. Kułakowski, W. Fiszer, S. Hessen, D. Filosofov), “Przegląd Rusycystyczny” 1981. № 3, с 17-20; его же, Pisarze rosyjscy początku XX wieku w Polsce międzywojennej. Wrocław 1996, с. 234-240; Kulczycka-Saloni J. Z dziejów literackiej emigracji rosyjskiej w Warszawie dwudziestolecia, с. 5-9; Białokozowicz B. Józef Czapski i triumwirat literacki (Dymitr Merezkowski, Zinaida Gippiusi Dymitr Filosofov) // Kresy i pogranicza. Pod red. A. Staniszewskiego. Olsztyn 1995; Розинская О. Русская литературная эмиграция в межвоенной Польше, с. 87-90; Stuart Duggan J. Эволюция Д. В. Философова от эстетики к этике. “Europa Orientalis” 1994. № 1.

⁸ Этот термин Философов предложил в одной из своих статей в газете “Свобода”.

⁹ Философов был знаком с М. Домбровской, Ст. Стемповским, Ю. Чапским, Я. Ивашкевичем, З. Налковской. Философов появляется на страницах воспоминаний М. Домбровской: M. Dąbrowska, Dzienniki. 1914-1932. Warszawa 1988. О нем пишет также З. Налковская.

Журнал “Меч” просуществовал до 1939 года, но, начиная с 21 номера, редакция изменилась – ее возглавили В. В. Брандт и Г. Г. Соколов. Объектом исследования в настоящей работе является “Меч” до момента его преобразования.

Первый номер журнала открывался программным текстом от редакции “Чего мы хотим”, в котором читаем: “Наступило время, когда, воистину, эмиграция надлежит пробудиться, выйти из состояния блаженного успеха и тупого прозябания. Иначе эмиграция погибнет, сойдет на нет, потеряет смысл своего существования! Мы призываем к ее возрождению”. Основным пунктом программы “Меча” был активизм, который должен стать мирозозерцанием. В тексте “Чего мы хотим” утверждалось: “Активизм не должен ограничиваться деланием чисто политическим. Он должен проявляться везде: и в литературе, и в искусстве, и в общественной, и в политике”. В заявлении от редакции подчеркивалось, что в варшавской редакции делается нажим на активизм политический, в парижской – на идеологический и творческий. С активизмом была тесно связана категория свободы, журнал призывал “ценить свободу, как условие творчества и борьбы [...] чтить свободную творческую личность, чтить героев действия, мысли и творчества”. Одновременно редакция отталкивалась от партийности, которая оправдывает бездейственность. Журнал отбрасывал программу партий как правых, так и левых, он не признавал дешевого оптимизма тех, кто верил в эволюцию большевиков, ему был чужд пессимизм, исходящий из положения, что в сложившейся ситуации ничего не поделаешь. В заявлении от редакции однозначно указывалось, что журнал будет антикоммунистическим, антиматериалистическим и антимарксистским. Он признавал “здоровый национализм” и отказывался от уничтожающего элиту казенного демократизма.

Для русских эмигрантов в Европе были интересны основные очаги эмиграции: естественно в журнале появлялась информация о Польше и Франции. В первом номере был опубликован текст Н. Рязанцева “Франция на переломе”. Он был вызван волной антипарламентских волнений в Париже в мае 1934 года. Автор рассматривал их в перспективе хронологической и пространственной. События, происходившие во Франции, он объясняет, исходя из концепции противопоставления поколений отцов и детей в мировоззренческом плане. Новое послевоенное поколение, по мнению Рязанцева, характеризует “здоровый инстинкт жизни и движения”. Заметим, что это совпадает с главным пунктом программы “Меча” – с пропагандой активизма.

Во Франции поиски новой веры, новой идеологии вызывают интерес к Германии, откуда приходит духовный динамизм. Рязанцев писал: “Мо-

лодежь, обращая свои взоры в сторону Гитлера, обретает элементы своей утерянной личности”. В Германии, по мнению автора, рождается новая философия истории, порывающая с идейной программой прошлого столетия, с его рационалистической диалектикой, сциентизмом, верой в прогресс, в принципы “демократического количества”.

Очередной текст Рязанцева о Франции появился в 5-м номере и был озаглавлен “Национальная революция”. В нем автор еще раз подчеркивал, что развитие новых идей в Европе пошло по линии полного отрицания традиционных демократических концепций прошлого столетия, которые в наше время стали лишь “словесными трупами”. От мистики XIX века остались только голые формулы, начался коренной пересмотр традиционных догм, как правых, так и левых. Рязанцев предсказывает грядущую национальную революцию и рассматривает ее как реванш третьего сословия. “Вместо либерального государства утверждается государство национальное, гармоническое и авторитарное”, – писал Рязанцев, усматривая в этом факте сочетание национальных и социальных тенденций. Во Франции, читаем в статье Рязанцева, все еще сильную позицию занимает марксизм, под его влиянием значительная часть рабочих противодействует наступлению фашистской диктатуры – “термин фашизм превращен в некое катастрофическое злое понятие. Создается антифашистская мистика”. В первом своем тексте Рязанцев упомянул об актуальности теории расы, в “Национальной революции” указывает, что симптоматической модой стала волна гобинизма. Напомним, что Артур Гобино был одним из создателей концепции расы, которую изложил в своем труде “Очерк о неравенстве человеческой расы” (1853-1856).

Статьи Рязанцева, выражающие симпатии к фашизму, были встречены частью читателей журнала критически. Д. Философов в “Письмах к неизвестным” (№ 13-14) писал: “Одни нас упрекают, что мы изменили активизму, другие недовольны тем, что мы защищаем фашизм”. Следует заметить, что у некоторых представителей русской эмиграции были симпатии к фашизму, Мережковский, к примеру, верил, что немцам удастся победить сталинскую дьяволиаду.¹⁰ Отношение к гитлеровской Германии изменилось, когда национальный социализм стал эволюционировать и превращаться в антигуманную систему. В этом отношении характерны слова Философова: “Последние события в Германии, конечно, отвратительны. Мы стоим в стороне от событий. С Гитлером нам детей не кре-

¹⁰ Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции 1919-1939. Москва 1994, с. 110.

стить". Однако, русский эмигрант добавлял: "Нам слишком ясно, что злодеяния германского режима – детская игрушка по сравнению со злодеяниями московскими. Более того, мы отлично знаем, что злодеяния Берлина тесно связаны с безмерными злодеяниями Москвы. Если бы московские злодеяния вызвали, в свое время, со стороны, так называемых, культурных людей реакцию действенную и решительную – не было бы и злодеяний берлинских".¹¹ Слова Философова были реакцией на призыв польской газеты "Роботник", которая напечатала воззвание польской Лиги защиты прав человека и гражданина, поводом к которому послужил подъем антисемитизма в Германии. Русский эмигрант смотрит на этот призыв в антибольшевистской перспективе: "Лига осуждает неистовства расистов вообще и гитлеровцев в частности – темноты, дикости и жестокости большевистской революции – не осуждает. Дети гуманизма и гуманистов, варшавские члены Лиги совершают ту же ошибку, что все европейские клерки". Философов утверждал, что большевики и фашисты применяют одинаковые методы: "Большевики приступили к планомерному, упорному и хладнокровному уничтожению буржуазии и интеллигенции, уничтожению физическому, германские расисты к такому же уничтожению расы". Идею генеалогии немецких расистов Философов усматривал во взглядах Гобино, в его теории о несовместимости белой и цветной культуры. Идеи, провозглашаемые Розенбергом, он называл мифом 20-го столетия и призывал к выступлению против него сплоченными рядами. Подчеркивал, что выступают лишь единицы, причем со стороны православной Церкви за рубежом не было протеста против германского антисемитизма.

Журнал "Меч", как мы помним, имел подзаголовок "литературно-политический журнал". По мнению Философова, интерес к политике проявляют, главным образом, варшавяне, парижане же к политике равнодушны. На первое место они ставят эстетику. Философов иронизировал по этому поводу, говоря о парижских культурниках, которые ни о чем, кроме хорошего вкуса не думают. В статье "О хорошем вкусе" (№ 17-18) он писал: "Парижане читают Джойса", как символ увлечения современной литературой. Чтобы нагляднее показать разницу в программах парижан и варшавян, Философов воспользовался образами Октава из произведения Мюссе "Исповедь современного юноши" и Жюльена из романа Стендаля "Красное и черное". Оба они понимали, что мир опустошен и искали в нем своего места. Это люди разных характеров, представители

¹¹ Философов Д. Письма к неизвестным. "Меч". № 11-12.

двух противоположных умонастроений: Октав покорился, разочаровался, Жюльен занял активную позицию. Герой “Красного и черного” – активист, а русские “парижане не любят активизм”.

В журнале “Меч” важное место занимала культура, литература. Как и в случае политики, литература Европы была интересна для редакторов журнала, главным образом в русской перспективе, в перспективе противопоставления “свое – чужое”. В этом отношении характерна статья Василия Федорова “Бесшумный расстрел. Мысли об эмигрантской литературе” (№ 8). Он писал: “Есть одна общая линия в писаниях наших зарубежных критиков – это отход от русских истоков и ориентация на иностранные авторитеты. Не Достоевский – но Пруст, не Толстой – но Андре Моруа, не Бунин и Мережковский – но Жид, Роллан, или Мориак”.

Статья Федорова вызвала дискуссию. Резко критически реагировал Д. Мережковский, который иначе чем автор “Бесшумного расстрела” смотрел на отношение к европейской культуре. В статье “Около важного” (№ 13-14) он замечал: “парижане присматриваются ближе к европейской жизни и культуре, к дыханию свободы, учатся культуре”. В спор с Мережковским вступил Л. Бем, автор статьи “Письма о литературе. Свое и чужое” (№ 17-18). Он упрекнул его в высокомерии, в превозношении парижской эмиграции, противопоставляемой эмигрантской провинции: Прага и Варшава составляли общий фронт в борьбе против парижской ноты. Подчеркивая, что другие эмигранты тоже дышат европейской культурой, Бем писал: “Поучиться нам, присматриваясь к европейской жизни и литературе, есть чему, но уроки этой жизни для нас не пройдут даром: многое и многое мы увидим в ином свете. И литература этот опыт нашего русского скитальчества по европейским землям, конечно, отразит. Это преломление чужой все же нам жизни сквозь наше русское восприятие мира и является одной из задач зарубежной литературы”. Бем предупреждал об опасности литературной ассимиляции, по его мнению, русские писатели должны оставаться зрителями жизни Европы, не ее участниками: “Писатель, перешедший эту границу, даже при сохранении языка, выпадает из национальной литературы. Он перестает быть русским писателем, ибо разрывается его связь с традицией, с общим ходом литературного развития” (№ 17-18).

Полемический характер носит статья Философова “Как не надо учить культуре” (№ 15-16) В ней содержится убийственная критика журнала “Числа” и критический разбор статьи Бицилли “Оазис” из журнала “Современные записки”. Философов выступает как знаток французской литературы, так XVII столетия, как и современной. Он показывает, что видные французские писатели XX столетия открыли Расина, хотя воспри-

няли его по-разному: "А. Жид подошел к Расину формально, с чисто эстетической точки зрения, Морра ценит в XVII веке примат разума, Мориак подошел к Расину через Паскаля". Философов не согласен с тезисом Бицилли о том, что Франция переболела кальвинизмом, выздоровела и осталась католической. Такое отношение ко Франции он считает попыткой превращения этой страны (оазиса) в идиллию. По мнению Философова, "гугеноты во Франции еще живы и многие из них играют выдающуюся роль в современном масонстве. Масонство до сих пор большая сила, с которой необходимо считаться не только с политической, но и с культурной точки зрения".

О Мориаке пишет в своей статье "Вымышленные воспоминания" (№ 6) Юрий Мандельштам. Он считает его одним из самых интересных писателей современности. Имя Мориака выступает в контексте рассуждений о роли и месте парадокументальной литературы, большого количества дневников, мемуаров и воспоминаний, которое привело к тому, что читатели устали от условности и неправды искусства. В своей книге "Романист и его герои" Мориак утверждает, что "романы рождаются от брака писателя с действительной жизнью". В ней упоминается также другой французский писатель, Жорж Дюамель, который в "Трактате о вымышленных воспоминаниях" доказывает, что восстановить фактическую правду полностью невозможно, что это задача непосильная. Мандельштам показывает протест двух выдающихся французских писателей против "тьмы низких истин во имя духовной истины".

В статье Юрия Терапиано "Тюрьма" (№ 17-18) появляется еще один французский писатель – Поль Верлен. Этого известного и популярного автора в России в эпоху символизма Терапиано показывает в новом освещении. Он обращает внимание на сатурническое начало его творчества и биографии. Пишет о связи Верлена с Рембо, о пребывании в тюрьме и душевной эволюции, очищении страданием. Философов считает Верлена одним из самых глубоких христианских поэтов Западной Европы.

Кроме Франции в журнале "Меч" упоминаются еще Чехия и Болгария – два важных центра русской эмиграции. В. Брандт в статье "Поля и перелески" (№ 1-2) пишет о Праге, городе растущем с быстротой изумительной, в котором однако "нет той легкости, той воздушности, которой веет от Варшавы". Статья Брандта описывает впечатления наблюдателя от Праги: "мелькают дома – большие и темные, витрины магазинов – много автомобилей, лошадей на улицах Праги не видно совсем".

А. Браунер в шестом номере "Меча" опубликовал статью "Смена правительства в Болгарии". Он обращает в ней внимание на факт появления новой власти авторитарного, диктаторского характера, что было

встречено с общим сочувствием, вызванным разочарованием в парламентарно-партийной системе. Общий пафос статьи Браунера напоминает до некоторой степени тексты Рязанцева, в которых нашли отражение симпатии к сильному государству и сильной власти.

На страницах “Меча” часто появлялись среди прочего в статьях Философова, формулировки “у нас в Варшаве”, “мы варшавяне”. Польша и Франция – это две европейские страны, которые в “Мече”, наряду с русской, советской тематикой, занимали доминирующую позицию. Варшава и Париж были основными местами, в которых протекала жизнь русских эмигрантов, и поэтому в журнале можно найти информацию о таких событиях, как первое открытое собрание “Зеленой Лампы” в Париже (№ 1-2), Дни русской культуры в Варшаве (№ 7), перемены в парижском Русском Общевоинском Союзе (№ 11-12). Излагалось содержание парижской периодики (“Возрождение”, “Новый Корабль”, “Числа”, “Современные записки”), упоминалось о выходившей в Варшаве русской газете, печатавшейся по экономическим соображениям в Вильне.

Несколько раз появлялись информации-рецензии о варшавских театрах (№ 3-4, 5, 6). В первом номере “Меча” в статье “Польский экран” говорится о лучшем, по мнению автора, фильме сезона “Pod Twoją obrotę”. Замечая некоторые достоинства фильма, проникнутого религиозным чувством, он утверждал, что польские картины не достигли должной художественной высоты. Лев Гомолицкий в статье “По поводу русской страницы Мицкевича” (№ 9-10) писал о воспоминаниях Ходасевича, которому мать-полька читала в детстве “Пана Тадеуша”. Тот же автор в статье “Владимир Слободник” (№ 6) охарактеризовал творчество этого поэта и его сборники 1927-1934 годов. Появление рецензии на поэзию Слободника не является случайным – польский поэт был другом Гомолицкого, на одном из вечеров “Домика в Коломне” он читал свой польский перевод поэмы М. Лермонтова “Песня про купца Калашникова”, а на последнем заседании – перевод пушкинского “Домика в Коломне”. В нескольких номерах журнала печатались фрагменты вступительной части повести Елены Богушевской “Вся жизнь Сабины”. В 12-13-м номере была помещена рецензия Е. Вебер на эту книгу, в которой подчеркивалось, что это произведение о рядовой женщине, интеллигентной труженице.

Самой важной публикацией на польскую тематику является в “Мече” поэма Льва Гомолицкого “Варшава” (№ 9-10). В 13-14-м номере сообщалось, что поэма вышла отдельным изданием в количестве 100 экземпляров, из которых 50 поступило в продажу. Часть экземпляров в художественной обложке с оригинальным рисунком автора; 10 первых экземпляров, пронумерованных римскими цифрами, выпущено на лучшей бумаге.

Лев Гомолицкий (1903-1988)¹² был одним из самых выдающихся эмигрантских русских поэтов в Польше.¹³ В Варшаве он жил с 1931 года, принимая активное участие в культурной и литературной жизни эмиграции: руководил издательством Священная лира, был сотрудником нескольких журналов, в том числе "За свободу" и "Меч", был участником собраний клуба "Домик в Коломне". С середины тридцатых годов был секретарем Союза русских писателей и журналистов. Публиковаться начал в 1921 году. Был близок со многими польскими поэтами, сошелся с Т. Чеховичем, Ю. Тувимом. В годы оккупации перешел на польские стихи, и с конца 50-х годов писал исключительно по-польски. Как пишет Л. Флейшман: "Ассимиляция его в культуре Польской Народной Республики выглядит гораздо более окончательной и прочной, чем, скажем, ассимиляция Набокова – в американской".¹⁴

Поэма "Варшава", написанная традиционным размером русской поэзии – четырехстопным ямбом – посвящена Д. Философому, с которым Гомолицкий был в близких отношениях. Название произведения, его автор и посвящение – это знаки темы эмиграции. "Варшава" отсылает к урбанистической поэзии, которая изображает портрет и физиономию города. Все стихотворение построено на оппозиции "свое-чужое". В первой части поэмы, в размышлениях на кладбище, она принимает вид дух - тело, свобода - неволя, а танатологическая тема получает ностальгическую окраску. Сопоставление "Варшава деда - Варшава моя" становится противопоставлением: город обычный жителей - город изгнанника. В поэме Гомолицкого, который хочет понять душу народа, появляются характерные знаки топографии города: памятники Копернику, Шопену и Юзефу Понятовскому, парк Лазенки, район Прага, Висла. Городской пейзаж, его каменная архитектура рождают воспоминания детства – парк в Царском Селе, сельский пейзаж родных мест, и сопоставление город – "я" прини-

¹² () Гомолицком см.: Словарь русских зарубежных писателей. Валентин Булгаков. Редактор Г. Ванечкова. Introduction by R. J. Kneeleay. New-York 1993, с. 39; Словарь поэтов русского зарубежья. Под общей редакцией В. Крейда. СПб. 1999, с. 78-80; Bartelski L. Polscy pisarze współczesni. 1944-1970. Warszawa 1972, р. 86; Bartelski L. Polscy pisarze współczesni. 1939-1991. Warszawa 1995, pp. 114-115; Бем А. Вскипевшая жизнь эмигранта. О стихах Гомолицкого. "Меч" 1936, № 24.

¹³ О русских поэтах в Польше см.: Oblakowska-Gafanciak I. Из истории русской эмиграции ("Таверна поэтов"). Варшава 1921-1925. В кн.: Studia Rossica III. Literatura gosyjska na emigracji, с. 77-81.

¹⁴ Флейшман Л. Пушкин в русской Варшаве. В кн.: Пушкин и культура русского зарубежья. Москва 2000, с. 110.

мает более выразительный характер. Субъект произведения определяется словами *чужой, бездомный, несытый*. Сильно звучит скитальческая тоска по России.

Произведение Гомолицкого вызывает ассоциации с поэмой А. Пушкина “Медный всадник”, из него заимствован мотив наводнения, который принимает метафорический характер и становится синонимом революции: “А я... великим наводненьем на берега чужие смыт”. Лирический герой прямо сопоставляется с Евгением из пушкинской поэмы, для него мир – враждебный сон. Как и в “Медном всаднике”, так и в “Варшаве” размышления из личного плана переходят в общий, исторический и историко-софский. Давние страдания и настоящее торжество свободы Польши противопоставляются имперскому гению России. В этом аспекте вполне естественными являются обращения к Мицкевичу и блоковские реминисценции. Автор сам подсказывает этот след, используя в качестве эпиграфов фрагменты текстов Пушкина, Мицкевича и Блока.¹⁵

После изменений в редакции “Меча”, журнал не перестал интересоваться польской тематикой. Характерным примером является статья от редакции, опубликованная в 26-м номере в годовщину независимости Польши.¹⁶

¹⁵ О поэме Гомолицкого см. прекрасное исследование Л. Флейшмана: Пушкин в русской Варшаве, с. 109-143.

¹⁶ См.: Kulczycka-Saloni J. Z dziejów literackiej emigracji rosyjskiej w Warszawie dwudziestolecia, p. 10.